

Рунет кипит зулейхоспорами. По накалу страстей с ними, пожалуй, не сравнится даже коронавирусная проблематика. Бушующие вокруг очередного исторического телешедевра дебаты имеют отчетливую политическую симптоматику, а потому выходят за рамки сериала. И дело вовсе не в самом фильме. На мой взгляд, «Зулейха», которая что-то там делает, не хуже и не лучше любых других современных российских сериалов и художественных лент о советском прошлом. Они одинаково в общей локации всего отечественного кино не выдерживают серьезной эстетической и профессиональной критики.

Их создатели сами отчетливо осознают, что сценарии, режиссура, актерская игра не перешагнули школярских стандартов, но авторам и исполнителям хочется, чтобы об их творениях заговорила публика, затряслась в экстазе критика. Реализуя эту эгоистичную сверхзадачу, сопричастные с кинематографом деятели всяческих искусств следуют проторенной и верной тропой, компенсируя художественную ущербность «высокой гуманистической идеей». Искать в этих фильмах исторические соответствия – все равно, что пытаться найти иголку в стоге сена. Возможно, она где-то есть... Но как до нее докопаться? Поэтому правильнее такие фильмы называть не историческими, а костюмированными, как бал-маскарад. Их любители всегда найдутся.

Встречались же у нас почитатели творчества Никиты Михалкова, уверявшие, что удар штыком по танку и атака с древоколем – это и есть правда о войне. А после выхода на экраны параноидального «Штрафбата», говорят, где-то возник фан-клуб сериала. Не стану утверждать, что в специализированном медицинском стационаре.

В ряду костюмированных фильмов и сериалов «Зулейха» выделяется только организованной ВГТРК агрессивной рекламой, уверяющей, что зрители получили полновесный шедевр. Ранее такую же оценку определенной части писателей и литературной критики получила книга Гузель Яхиной, по которой снят фильм. И, если я российские сериалы в силу известных причин не смотрю, то отечественной беллетристикой интересуюсь, хотя с глубоким сожалением сознаю, что современная российская литература в анналы культурного наследия для потомков не войдет.

Но, признаюсь, на критику книги Яхиной повелся: молодой талантливый автор и все такое. Существовала и еще одна причина моего интереса к литературной «Зулейхе», но о ней чуть ниже.

Около сорока страниц в режиме построчного чтения осилил. Дальше знакомился с книгой фрагментарно. В конечном итоге с «Зулейхой» поступил как профессор Преображенский с перепиской Энгельса и Каутского. В мусорку отправились картонные характеры с черно-белой локацией и банальности, выдаваемые за откровения. Остались сомнения относительно авторства «Зулейхи». Стилистика и сюжетная линия подсказывали, что вместе с именем Яхиной на обложке могли стоять и другие фамилии, но, возможно, просто топорно сработал редакторский коллектив, готовивший книгу к изданию.

Когда знакомился с «Зулейхой», не смог избежать аналогий с романом «Дети Арбата». Книга пришла к широкому читателю в середине 80-х годов прошлого века. При этом утверждалось, что автор романа – известный в СССР детский писатель Анатолий Рыбаков создал произведение давно, но только в годы перестройки решился его опубликовать. Ряд рецензентов в неумеренных восхвалениях дошли до того, что сравнивали «Детей Арбата» с эпопеей Льва Толстого «Война и мир». Время расставило все на свои места. Лев Толстой остался Львом Толстым, а Анатолий Рыбаков – писателем, окончательно забыть которого широкой публике не позволяют экранизации его детских книг – «Кортик», «Бронзовая птица», «Последнее лето детства» и других.

Хотя надо признать, что «Дети Арбата» в сравнении с «Зулейхой» могут претендовать на действительно высокую литературу. А аналогии между двумя произведениями возникли в связи с тем, что многие исследователи выражали сомнения в том, что Анатолий Рыбаков единственный автор перестроечного романа. Другие в разоблачениях шли дальше, утверждая, что «Дети Арбата» созданы не когда-то, а совсем недавно и конкретно на потребу разоблачительной и разрушительной идеологии перестройки.

Последнее замечание можно транспонировать и на сериал про Зулейху с той лишь разницей, что перестройка осталась в прошлом, но формы нагнетания напряженности в обществе, опробованные в тот период, осознанно или спонтанно, но используются вновь. Один из таких методов можно образно охарактеризовать как выстрел из прошлого в настоящее. Вспомним, как удалось разрушить идеологические и социальные скрепы советского общества в период перестройки. Начиналось с доказательств того, что вся история СССР – грязь, насилие и сплошные ошибки, а потому все светлое и высокое из недавнего прошлого достигнуто не благодаря, а вопреки.

Хотели того или нет авторы сериала, но они действуют в том же ключе. Скорее всего, не хотели. Не создают впечатление режиссер, сценаристы, исполнители, автор литературной основы фильма, если исходить из их выступлений в Рунете, людей, способных понимать, «чем слово наше отзовется». В силу усредненных способностей они оказались не в состоянии выскочить из прокрустовой колесницы ключевых дискурсов и идеологием российского телесериального творчества, да и известной части литературы. Им казалось, что они действуют в локации, обрекающей их на успех, не понимая, что настроения в обществе меняются. Его больше не устраивает предложенная кем-то конфронтационная формула, согласно которой «одна половина страны сидела, а другая ее охраняла».

А в итоге имеем известный результат. «Зулейха» с ее политической, социальной и исторической адресацией значительной частью зрителей воспринята как сознательная попытка дальнейшей поляризации общества, разжигания национальной и конфессиональной розни, дискредитации институтов государственности. Подобные подозрения усилило время демонстрации фильма – накануне Дня Победы. И все эти обвинения в первую очередь спроецированы не на создателей сериала, а на дирекцию ВГТРК, что вполне закономерно. Ведь кто-то же должен оказаться умнее и грамотнее Зулейхи.

Закономерен в контексте всего сказанного вопрос о том, насколько соответствуют реалиям изображаемые в фильме и книге исторические события. Отбросим сейчас за скобки разговор маниакальных сотрудников ОГПУ с безграничными правами карать и миловать, в большей степени, конечно, карать. В отношении этой категории «исторической правды» у меня создается впечатление, что создавшие такие образы авторы вполне по Фрейду наделили их качествами и форматом поведения из глубин собственного темного сознания.

Другие же события, связанные с перевозкой спецпереселенцев, и не только их, вполне имели место быть. Достаточно вспомнить, как действовали функционеры Акционерного Камчатского общества в схожих ситуациях. Они организовали перевозку и обустройство не семей раскулаченных, а добровольных переселенцев, которые ехали на Камчатку, заключив с АКО договоры. На полуострове им обещали не только работу, но и жилье, медицинское обеспечение, школы – для детей, в пути – горячее двухразовое питание в сутки. Более того. Государством на каждого переселенца АКО выделялись очень серьезные суммы.

До Владивостока их везли в более или менее сносных условиях, а дальше грузили в

трюмы пароходов. В пути до Камчатки часто кормили только плохо пропеченным хлебом. Вместо обещанных домов жить переселенцам приходилось в неутепленных палатках, впроголодь. Стоит добавить, что многие деятели из колониального отдела АКО, занимавшиеся вопросами привлечения на полуостров рабочей силы, сумели на трудах несправедливых накопить немалые суммы, а потом отправиться в лагеря, в том числе по разным пунктам статьи 58-й УК РСФСР.

Теперь настало время рассказать еще об одной причине, побудившей меня взяться за книгу о Зулейхе. Раскулачивание не обошло мою семью стороной. И я не исключаю, что оно в конечном итоге спасло жизнь моему деду. В 1937 году его, активно выступавшего против колхозов, вполне могли подвести под расстрельную статью...

Большую семью деда, в том числе моего будущего отца, которому тогда едва исполнилось четыре года, выслали в декабре 1931 года. Снег еще не успел лечь, а потому село в Минской области, огороды и поля которой утыкались в советско-польскую границу, разделившую Белоруссию десятилетие назад, семьи раскулаченных покидали на уныло скуливших телегах. На них предстояло добираться до самого Урала.

Дорога принесла много лишений. Голодом и холодом отмечен едва ли не каждый ее километр. В пути скончалась младшая сестра отца. Сам он едва не погиб во время переправы на пароме через Каму. Из воды его вытащил сопровождавший колону раскулаченных сотрудник ОГПУ. Потом он повел переодетого, но промерзшего до костей пацана в столовую на уральском берегу реки. Там отец впервые попробовал макароны, которые любил до самой кончины в феврале 2013 года.

Раскулаченные из Белоруссии и Украины на Урале стали строителями одного из металлургических гигантов первых советских пятилеток. Он и сегодня остается флагманом отечественной трубной промышленности.

Строителей завода ждал спецпоселок с домами хоть и без удобств, но вполне добротными, которые и в наши дни продолжают служить кому дачей, а кому и жильем. В спецпоселке построили и медицинскую амбулаторию, и большой клуб, и начальную школу...

Через год после прибытия на Урал в Белоруссию сбежал один из старших сыновей деда – Иван. Его вернули через несколько месяцев. Иван сумел не попасть в одну из банд, которые часто создавали беглые спецпереселенцы, а потому его просто вернули отцу под расписку. Он погибнет в феврале 1942 года под Ростовом. Еще один старший брат отца погиб в сентябре 1944 года в Румынии. С их портретами наша семья вот уже несколько лет выходит на шествие «Бессмертного полка».

Еще после гибели первого сына деда вызвали в комендатуру и сообщили, что он больше не считается спецпереселенцем и ему возвращается свобода передвижения. После освобождения Белоруссии деду рекомендовали вернуться в родные места, чтобы приступить к восстановлению в республике разрушенного войной хозяйства. На эти цели выделялись специальные средства. Семья начала готовиться к возвращению в родные места теперь уже поездом, а не на телегах.

Моего отца ехать в Белоруссию пришлось уговаривать долго. Дед обещал, что там быстро сумеют отстроиться, наладить жизнь, дескать, успел до раскулачивания кое-что оставить евреям. В тыловых районах страны хоть и читали в газетах о зверствах гитлеровцев и их приспешников, но не представляли, каких масштабов достигал геноцид славянского и еврейского населения, организованный гитлеровцами на территории Белоруссии.

Никого из евреев дед, разумеется, найти не смог. Хозяйство в буквальном смысле пришлось создавать с топора. Отец мой вернулся на Урал после того, как они построили дом и посадили сад... Такова моя история раскулачивания...

Владимир СЛАБУКА